

Проповедник исхода / Sermon of Exodus (рассказ)

WARPFROG Гильдия Переводчиков Warhammer <i>Проповедник исхода / Sermon of Exodus (рассказ)</i>	
Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Нет войне конца / War Without End
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

В отзвуках эха слышны голоса и слова. Голоса шепчут только часть из этих слов, остальные же возникают из ниоткуда. Они напоены темными смыслами, отточены истиной и смазаны ядом значений. Есть и голоса, что не произносят слов, лишь завывают из бездны безумия. Отзвуки несущего их эха врезаются друг в друга, разбиваются на куски, скользят по склонам гор и отталкиваются от скал, словно бросающиеся на жертву хищники. Их не разносит ветром - они и есть ветер.

И сегодня они явились к нему.

Ци Рекх в одиночестве стоит на высоком холме, пока его последователи ждут в лагере. Перед ним раскинулась широкая пустошь, безжизненная равнина высохшей грязи. Кажется, будто это изуродованная заразой, потрескавшаяся кожа самого Давина. В центре равнины, на расстоянии половины дневного перехода, высится одинокий конический пик - Гора Ложи. Его очертания мрачнеют в сгущающихся сумерках, пока пик не превращается в собственную тень, тянущуюся к Ци Рекху отзвуками своей пустоты.

Отзвуки эха. На Давине они повсюду, но, чтобы услышать их, чтобы собрать растрепанные обрывки в тугие узлы предсказаний и откровений, нужны вера, мастерство и жертвенность. Даже глухой способен ощутить отголоски божественной правды, расстояния для них - ничто. Однако, чтобы отделить зерна от плевел, просеять истину сквозь сито понимания, требуется особый, редкий дар. И, чем ближе обладатель такого дара подходит к источнику эха, тем осязаемее для него становятся отзвуки.

Чего ищет Ци Рекх? Ясности знания? Скорее, нет – он ищет откровений, откровений такого рода, что могут содрать плоть с человеческих костей, тайн, которые могут броситься на него из ночного мрака или спуститься с небес на крыльях ярости. Стать свидетелем подобных таинств означает открыться для чего-то куда более могущественного и смертоносного, чем простая ясность понимания.

И сейчас Ци Рекх очень близок к своей цели, к источнику отзвуков. К Ложе Эха.

Так близок, что уже потерял счет голосам, сплетающимся в ткань, свивающимся в клубки и оплетающим его паутиной. Обрывки слов и смех, шепот секретов и вопли гнева, крики разрываемых видений и грязные истины скручиваются вместе. Из центра клубка единственная ядовитая ниточка протягивается к Ци Рекху. Он знает, что это всего лишь посланник, который не поделится откровением, но, для начала, эхо готово говорить с ним. Ци Рекх закрывает глаза и раскрывается перед ядовитой паутиной.

Он не касается нити, позволяя ей обвиться вокруг черепа. Тончайшая до невидимости, извивающаяся, острая точно тьма, она заползает в уши Ци Рекха.

Теперь это его эхо. Теперь это его истина.

Уста, на которые он никогда не посмеет бросить взгляд, начинают произносить его Слово.

Начинают с единственного звука. *Ммммммммммм...*

Его дар. Эхо, что пришло к нему.

Ммммммммммм...

Вне звука, вне дрожи в костях, отзвук чего-то великого, словно подножие целого материка.

Ммммммммммм...

И обещание большего, если он окажется достойным, если выдержит испытание.

И так будет. Такова его клятва. Он до конца выслушает отзвук эха, ставший его судьбой.

Ммммммммммммммммм...

... Приходит воспоминание.

Он в своем шатре, смотрит, как завеса у входа отдергивается, пропуская Акшуб. Верховная жрица Ложи Змея пришла одна. Худая, маленькая старушка, вдвое ниже Ци Рекха и во много раз древнее его. Косточки, вплетенные в седые космы, стучат о кости, обтянутые её высохшей кожей. Старость видна в каждом движении жрицы. Воины его племени, носящие лучшее оружие и доспехи, многочисленны, сильны и способны вырезать жалких червей из рода Акшуб. Сам Ци Рекх может убить старуху одним ударом.

Эта мысль ужасает его. Почему? Потому, что он умрет сам, как только поднимет руку на жрицу. Потому, что он прогневает богов.

Ци Рекх прогоняет незваные мысли и слушает, как Акшуб открывает перед ним двери к предназначению.

— Сегодня боги благосклонны к Ложе Гончего Пса, — говорит она. — Ложе Змея уже выпала честь

обратить Магистра войны. Да, то, как он изменился – дело рук моей ложи. Это наш змей шепчет в его сердце. Они вместе ушли от нас, нести к звездам огонь, что изменит их.

Акшуб улыбается, и видно, как насекомые ползают по её зубам.

— Но тебе, жрец, тоже уготовано нечто великое. Ты услышишь священные голоса из самого их источника. Ты коснешься их. Ты станешь ими. Пришло время провозгласить твое право.

— Мое право на что?

Ци Рекх знает, он понимает, что такое «источник», но хочет услышать ответ жрицы. Голос Акшуб поставит печать законности на его знание.

— На Ложу Эха.

Глубоким вдохом он пытается потушить пылающее в груди пламя гордости.

— Мы пробовали овладеть ею прежде.

Как и все остальные ложи. Старые воспоминания, пересказанные были, история Давина. Легенды о том, как Ложа Змея, Ложа Медведя, Гончего Пса, Ястреба, Ворона, все – все, все – пытались завладеть Ложей Эха, первой из них, той, что предшествует всем тотемным ложам и превосходит их.

Все – все, все – потерпели неудачу. Удалось ли хоть одному верующему за долгие века хотя бы пересечь высохшую равнину? Никто не знает ответа. Никто не вернулся оттуда. Одинокий пик остается далеким и запретным символом могущества.

Трескучий голос Акшуб настойчиво прерывает его мысли.

— Иди, жрец. Пересеки равнину. Взберись на гору. Открой двери.

— Боги позволят мне это?

— Боги приказывают тебе это. Иди, встретить свое предназначение.

Она протягивает руку и тычет скрюченным пальцем в грудь Ци Рекха.

— Открой двери, — повторяет Акшуб.

— И почему же Змей отдает Гончему Псу столь великую честь?

Ещё улыбка с насекомыми.

— Я ничего не отдаю. Я всего лишь посланник. Я указываю пути, по которым уходят другие, а сама остаюсь на месте.

И Ци Рекх к темной горе пришел.

Он открывает глаза, и воспоминания испаряются, подобно туману, в величии настоящего. Тень от одинокого пика почти добралась до холма, равнина уже превратилась в однородное темное пятно. Повсюду лишь мрак и шепот пересохшей глины.

Лживый свет умирает, изрезанный клинками тьмы, как всегда происходит на Давине. Здесь мир не возрождается с рассветом, его лишь приносят в жертву наступающей ночи. С каждым закатом солнца,

боги утверждают свою власть этой священной казнью. Тень подползает ближе, ещё ближе – тень, обладающая весом, силой и волей. Она касается подножия холма, и, ободрившись, с каждой минутой карабкается все выше. Волна тьмы плещется у ног Ци Рекха, и он ждет. Отвернуться сейчас – значит отвернуться от богов, и жрец смотрит, ожидая мгновения, которое отметит начало его падения к апофеозу.

Тень касается его.

Это не просто холод, это леденящая агония, которая словно отгрызает конечности жреца, одну за другой. Ци Рекх приветствует тень и то, что она делает с ним. За леденящим холодом, за убийственной мукой скрывается нечто большее – проверка.

И, ощутив это принятие боли, проверка заканчивается. Жрец постиг тень и овладел ею. В отзвуках эха Ци Рекх слышит кивки – его сочли достойным.

— Сейчас! — кричит он.

— Сейчас! — зовет он.

— Сейчас! — гремит он.

Эхо подхватывает его зов, и приветливо подталкивая, уносит вдаль, через равнину. Гора слышит свирепую радость его поклонения, и не только она – отголоски эха несут голос Ци Рекха вдаль, к его последователям в лагере, и намного дальше. Он был благословлен, избран Ложей Эха, и теперь его голос присоединится к темному хору, обвивающему планету. На другой стороне Давина, заклинатели меньших лож услышат его среди иных отзвуков, являющихся к ним, и будут поражены.

Чувствует ли он обретенное могущество?

Да. Да.

Жди, говорит эхо.

Ещё, говорит эхо.

Ммммммммммм... – это голос его судьбы, все громче и все сильнее, на самом краю перерождения.

Ци Рекх ждет, недвижимо, с раскинутыми в стороны руками, вглядываясь в бесконечную тьму. Его последователи взбираются на холм, числом тридцать один. Вместе с ним, их число тридцать два, священное собрание – восьмеричный путь Хаоса, умноженный волей четырех богов. Это верный сброд, ими можно жертвовать без сожаления, но их также стоит восхвалять за готовность погибнуть. Как и Ци Рекх, они облачены в броню и несут оружие, выделяясь силой и статью среди своих братьев. Они пришли из Ложи Гончего Пса, и потому, живыми или мертвыми, вознесутся над прочими давинцами.

Ци Рекх ступает в тень, и они следуют за ним, вниз по обращенному к горе склону холма. Поверхность равнины покрыта трещинами с острыми краями. Часть паломников идет босиком, и, уже через несколько шагов, они начинают оставлять за собой кровавые следы. Никто не смеет помыслить о том, чтобы зажечь факел, ибо они идут в место, где рождается ночь. Ци Рекх единственный шагает уверенно, держась за путеводную нить предназначения. Его спутники лишены отзвуков-проводящих, и они блуждают во тьме. Они спотыкаются. Они падают. Никто не кричит, но Ци Рекх знает, что за его спиной властвует боль и страдание плоти. Под ногами жреца хрустят тела насекомых, целыми потоками выползающих из трещин в стремлении насладиться ранами верующих.

Все так, как и должно быть. Грудь Ци Рекха раздувается от гордости, и кажется, что он мог бы доплыть до горы в этой густой тьме, но нет. Он должен идти по равнине вместе со своими последователями и привести их туда, где они смогут сыграть предназначенную им роль. Они вознесены, как и вся Ложа Гончего Пса, но не избраны.

В отличие от него.

Он всегда был избран.

Все эти годы.

Нечто шевелится в безднах его разума, тонкое, как волос, но с жалом скорпиона на кончике. Что это? Ци Рекх не может пока ухватить его смысл, но оно растёт, становясь сильнее и настойчивее с каждым его шагом в ночи. В час перед рассветом, когда паломники, наконец, достигают подножия горы и начинают нелегкий подъем, нечто распускается подобно цветку. В миг, когда Ци Рекх касается священной скалы, жало наносит удар.

Вновь воспоминание. Другое, на этот раз. Более старое и вместе с тем свежее, давно и прочно забытое, стёртое из его сознания. *Рожденное-возрожденное-возникшее* только сейчас, отвечая на прикосновение к камню богов.

В нем Ци Рекх ещё ребенок, малыш нескольких лет от роду. Может ли он говорить? Совсем немного. Может ли он понимать? Да. И это важно.

Он внутри шатра. Чьего? Он не знает, поскольку это неважно. Акшуб сидит там, ведьма кажется такой же старой, как и в прошлом воспоминании.

Она всегда была стара.

Ещё двое взрослых рядом, говорят с Акшуб. Почему с ней, а не со старейшим из их ложи? Её присутствие само по себе дает ответ – ведьма так могущественна, что границы между ложами стираются для нее.

Родители бросают взгляды то на Акшуб, то на сына. Он стоит в центре шатра, окруженный кольцами, насыпанными солью. Между окружностями видны образы, неизвестные ребенку, но пугающие его. *Нынешний* Ци Рекх пытается прочесть их сейчас, вторгаясь в это новое-старое воспоминание, но образы ускользают от него. Они все время меняются, извиваются, ускользают. Это змеиный язык, составленный из символов-змей, наполненных отравленным смыслом.

— Возрадуйтесь, — говорит Акшуб. — Вы отмечены среди своего народа. Благодать богов снизошла на вас.

Она смотрит на Ци Рекха.

— Он станет проводником. Он станет путем.

Его родители смеются от переполняющей их гордости. Очень похоже на крысиный визг.

— Встаньте рядом с ним, — приказывает Акшуб.

Они занимают начертанные места внутри кругов, лицом друг к другу с Ци Рекхом между ними. Ребенок смотрит на двух великанов, своих отца и мать. Первый раз в жизни нынешний жрец видит их лица и

же, как кто-то иной, кому принадлежат эти воспоминания и эта ненависть.

Отголоски стихают. То, что уже мертво, менее важно по сравнению с тем, чему ещё предстоит умереть. Нужно исполнить долг. Нужно произнести имя.

Ци Рекх добирается до карниза. Это, и в самом деле, обещанный путь, извилистый подъем, ведущий в глубину горы. В устье раковины моллюска. Жрец ждет, пока поднимутся все его последователи, и шагает вперед.

Виток за витком, они идут по проходу в скалах, столь узкому, что едва хватает места для одного. Свет факелов слабеет, словно стены поглощают, а не отражают их огонь. Паломники словно спускаются в полночь по винтовой лестнице из острого камня, пока, вдруг, после резкого поворота, не оказываются в широком пустом пространстве внутри горы. Возможно, одинокий пик когда-то был вулканом, и сейчас они стоят в его кратере. Если это и так, то потухший вулкан не извергался уже очень давно.

— Погасить факелы, — командует Ци Рекх, повинувшись не инстинкту, а приказу, который слышит в своей голове. Он звучит трескучим голосом Акшуб. Ещё одно воспоминание, на этот раз о том, как ведьма дала ему этот приказ сорок лет назад, а потом надежно спрятала в его памяти.

Последователи тушат факелы, и огонь угасает, но свет остается и разливается в кратере. У него много оттенков - серый плесени, зеленый гнили и белый ненависти. Он кружится и изменяется, он мечется из стороны в сторону, и он...

Он смотрит. Свет видит их.

И его лучи остры. Они мелькают над землей, сверкая над головами паломников. Одна из них, Хат Хри, вытягивается в экстазе, поднимая руки к свету, и его лучи отсекают их. Женщина падает, шепча хвалу богам, и кровь брызжет из обрубков ниже её локтей.

Её поступок должен быть принят Силами, как одна из форм поклонения, её руки - очередной дар им.

«—Все, чтобы заслужить право на следующий шаг к Ложе Эха», — думает Ци Рекх.

Хат Хри оборачивается к нему и улыбается, перед тем как умереть, истекая кровью на холодной скале.

Это был её решающий миг, такой же, как у Бешака на склоне горы. Всё во имя пути, по которому должен пройти Ци Рекх.

Ммммммммммммммм...

Аааааааааааааааааа...

Их окружают развалины, сточенные временем, неузнаваемые, рассыпавшиеся в прах. Невозможно понять, чем они были когда-то. Порой Ци Рекх замечает намеки на стены с ямами дверных проемов, но ничего более. Всего лишь призраки истории, тени времен, когда давинцы строили нечто более значительное, чем привычные для него юрты.

Жрецу известны и иные отголоски древности - сами ложи Давина, и в центре кратера его ждет Ложа Эха, величайшая из всех существующих. Она и есть источник божественного света, который, как теперь

понимает Ци Рекх, суть ещё одно отражение священного эха. Обладая жрец нужными знаниями, он увидел бы в танце света нечто большее, чем гниlostный отблеск разлагающихся мыслей. На мгновение Ци Рекх даже унижен тем, как далеко ещё он отстоит от абсолютного знания.

Восемь огромных столпов поддерживают Ложу Эха над землей, они приземисты, в ширину больше, чем в высоту, хотя и впятеро выше самого Ци Рекха. Так должно быть, ибо здание, что опирается на них, монолитно и весьма массивно. Его боковые стены строго вертикальны, при этом они гладкие, как стекло, и правильной формы, как кованое железо, хоть и выложены из камня. Башенки в четырех углах строения загибаются под острым углом к центру крыши, напоминая когти, готовые обхватить жертву.

Передняя стена ложи отлична от остальных, на ней нет ни единого гладкого места. Это сложное сочетание изгибов, углублений и выпуклостей, на которых танцует гнилой свет кратера. Он перескакивает с камня на камень, обнажая и скрывая детали, порождая и убивая тени, становящиеся образами, которые беспрерывно меняются, соскальзывая из одного значения в другое, прежде чем люди успевают осознать их. Стена больна. Стена поет. Стена больна песней. Отголоски эха обрели форму в её камне, и стена стала их посланником, через которого они говорят со всем Давином.

А что же внутри? Внутри ждет источник всех отзвуков и отголосков, предназначение Ци Рекха и цель его долгого похода.

Внутри то, что необходимо исполнить.

Он должен проложить путь.

Но Ци Рекх не видит двери, ведущей внутрь. Жрецу приходилось стоять перед воротами в Храм Ложы Змея, где Гору было дано видение истины. Те врата превосходили все известное ему не только по размерам, но и по источаемой мощи. Мало того, они были настоящим произведением искусства, а гравировку в виде Древа, обвитого Змеем, не мог надеяться повторить никто из нынешних давинцев. Даже из Ложы Гончегго Пса, которая сама обладала подобными памятниками старины. Все жрецы понимали тогда, что никакая ложная гордость не вправе отвергать дом Змея как единственно возможное место для проведения ритуала над Магистром войны. К воротам порой относились, как к делу рук самих богов.

Здесь же, охваченный священным трепетом, Ци Рекх вдруг представляет себе, что Ложа Эха и есть один из богов. Как он сможет подчинить его своей воле? Или даже осмелиться на это? Он ведь не в силах просто добраться до стен ложи, столпы слишком высокие и гладкие, чтобы пробовать забраться по ним.

И все же, жрец осторожно идет вперед, следя за смертоносными лучами света, и ученики по одному следуют за ним. Он чувствует, как грани света касаются его рук и ног, скользят по коже у горла, но не более того. Хат Хри умилостивила их в достаточной мере, и кровь паломников больше не прольется – здесь и сейчас, разумеется.

Пробираясь среди руин, Ци Рекх ощущает надоедливое гудение призраков разрушенных построек. С ними приходят проблески прежнего видения, дарующие новый осколок понимания: важно не то, что было уничтожено, важен сам факт разрушения. Это был дар, принесенный давинцам, дар, который сейчас обновляется раз за разом и мир за миром, странствуя по Галактике.

Развалины обрываются на границе круга из обожженного до черноты камня, охватывающего Ложу Эха. Ци Рекх останавливается там же и вытаскивает из заплечной перевязи свой посох с головой змея. Он чувствует тончайшее покалывание в шее, древнейший признак того, что на него смотрят чьи-то глаза.

Жрец высоко вздевает над головой посох, бросая вызов их хозяевам.

Он не боится – это не божественные глаза, а человеческие.

Один за другим, со всех сторон круга из руин выходят иные жрецы в сопровождении своих последователей. Все они, отвечая Ци Рекху, высоко держат свои посохи с головами медведя, ястреба, ворона, дикого кота, волка, дракона, крысы...

Все ложи Давина собрались здесь, и все смотрят друг на друга с равной ненавистью.

«— Нас всех призвали сюда», — понимает Ци Рекх. Он думает, не приходила ли Акшуб в каждый из кланов, нашептывая слова о пророчествах и судьбе. Лгала ли она им всем? Лгала ли она о его предназначении? Неужели эхо, которое он считал своим, слышат и все остальные?

Гудение земли и хор мертвых звезд вновь окутывают его...

Ммммммммммммммм...

Аааааааааааааааааааа...

...и страх исчезает. Его не затем воспитывали с детства в ожидании одного-единственного момента, чтобы превратить всё в бессмысленную игру. Ци Рекх быстро оглядывает собравшихся жрецов и старательно скрывает улыбку, появившуюся на губах. Не до конца – острый и длинный собачий клык успеваешь выглянуть на свет. Никто из пришедших в кратер ему не соперник, он возвышается на голову почти над всеми. Его оружие превосходит грубые клинки в руках и на поясах у тех, кто явился сюда под знаменами низших зверей, а многие из чужаков даже не носят брони. Лишь посохи жрецов равны в искусстве сотворения его собственному символу власти, но это священные реликвии одной эпохи, дошедшие к ним через тысячелетия.

Из-за спины Ци Рекха доносятся звуки, говорящие о том, что его спутники готовятся к бою, и жрец с силой ударяет основанием посоха о скалу. Треск неожиданно резок и заставляет многих вздрогнуть, а его отзвуки не затихают. Напротив, они делаются все громче, пока вдруг не исчезают из реального мира и не становятся частью отголосков, звучащих с вершины горы.

— Объясните, зачем вы здесь, — приказывает Ци Рекх.

— Объясни, зачем *ты* здесь, — отвечает ему жрец Дикого Кота, делая шаг вперед. Похоже, он считает себя главным противником жреца с посохом Змея. Его броня так же хороша, как и у Ци Рекха: полосы багрового металла охватывают туловище, руки и ноги, из наплечников торчат рога, с плеч свисает плащ, подбитый мехом крупного зверя. Пальцы на правой рукавице вытянуты в железные когти длиной с предплечье, а в левой руке жреца угрожающе сжат изогнутый, зазубренный клинок. Носки саботонов, в довершение картины, также выкованы в форме острых когтей. Он готов бросить вызов, жаждет ввязаться в бой. Он явно уверен в своем превосходстве над Ци Рекхом.

Какая глупость. Какое невежество. Его нужно проучить.

Так, чтобы увидели все, так, чтобы все поняли свое место.

— Я здесь, чтобы открыть Ложу Эха, и я сделаю это во имя Ложы Гончего Пса, — говорит Ци Рекх.

Жрец Дикого Кота смотрит на него, и, кажется, грива его волос взъерошивается с каждым услышанным словом. Позади и справа от него стоят последователи Ложы Змея, их новая жрица, кто-то из учениц

Акшуб, облачена в броню с длинными, изогнутыми шипами на плечах и какие-то тряпки, изодранные сильнее, чем лохмотья на её спутниках. Выражение её лица непроницаемо, и Ци Рекху остается лишь догадываться, знает ли жрица о том, что её повелительница говорила в Ложе Гончего Пса. Известно ли ей, что право сделать следующий шаг по пути предназначения принадлежит Ци Рекху? Неужели она настолько глупа, что рискнет обвинить Акшуб в предательстве Ложи Змея?

Нет. Конечно, нет, никто не может быть настолько безумным. Никто не осмелится бросить вызов самой Акшуб. На Давине не было пророка, подобного ей.

Шепот в глубине разума поправляет его. **Не было со времен...**

С каких времен? И почему, впервые в жизни, он верит, что кто-то когда-то мог сравниться с Акшуб?

Воспоминание. Новое, совсем свежее, с той ночи, после которой Ци Рекх отправился в поход, но все же старая ведьма сумела спрятать и его. Теперь оно возвращается, обретая форму пророчества: **Я открываю путь. Он пройдет по пути. Ты станешь путем.**

Знание, лишенное понимания, обещания, спрятанные в загадках.

Ци Рекх справляется с нетерпением. Откровение придет к нему, он знает это и улыбается, гордый своим знанием и искренней верой. Жрец Дикого Кота, однако, относит эту улыбку на свой счет.

— Ложа Эха не для таких, как ты, — фыркает он. — Она была обещана мне.

— Кто же обещал её тебе?

— Боги ниспослали мне видение.

Ци Рекх продолжает улыбаться ему в лицо, теперь уже намеренно. О, какой же урок он сейчас преподает этому жалкому противнику! Как слабы его претензии на Ложу Эха. Ци Рекх пришел сюда не потому, что его потаенные желания обрели форму во сне. Он явился к одинокой горе по велению богов.

Но почему же все остальные ложи собрались сюда?

Жрец Гончего Пса отбрасывает эту мысль вместе с прочими сомнениями. Вопросы и ответы бессмысленны, значимо лишь пророчество. Лишь его предназначение, неизменное и славное, важно сейчас.

— Беги или умри! — провозглашает он, но этот выбор лишен смысла. Схватка уже началась.

Сам Ци Рекх не двигается с места, но его спутники бросаются вперед, шипя от ярости. Последователи Дикого Кота встречают их своими клинками, но чужой жрец остается столь же неподвижным, как и Ци Рекх. Оба повелителя лож смотрят друг на друга, пока в пространстве между ними идет резня, продолжение их незримой борьбы. Спутники жрецов не имеют сейчас собственной воли, они просто орудия своих господ, такие же, как их доспехи и клинки.

Кровь пятнает каменный пол, люди умирают в гневе и страдании, и свет начинает меняться. Он словно впитывает кровь павших, и его оттенок смещается к багровым тонам. С каждой новой жертвой он становится все насыщеннее, и узоры на лицевой стене Ложи Эха начинают меняться. Появляются прямые и четкие линии. Отзвуки и отголоски становятся все более громкими и жаждущими. Ещё больше смертей, ещё больше крови, питающей Ложу, и Ци Рекх вдруг ощущает холодное, сухое касание света на своей коже.

С ним приходит ощущение победы. Понимания. Откровения.

Он и Дикий Кот вновь смотрят друг другу в глаза, но уже без прежней взаимной ненависти. Она испарилась, стоило им понять, что они оба всего лишь орудия, такие же, какими считали своих последователей. Они осознали, что должно произойти. Ту же самую ясность обретают все прочие жрецы, и, будь благословлена их вера, все собравшиеся в кратере паломники. Не дожидаясь приказов, они разом бросаются в гущу резни. Их господа отступают к краю развалин, освобождая место для слуг.

В круге почерневшего камня перед Ложей Эха сотни верующих убивают друг друга клинками, кулаками и зубами. Битва исполнена первобытной дикости, как это и требуется. Резня должна быть абсолютной и запредельно кровавой. Никто не стремится победить, не думает о триумфе. Все, что нужно сейчас – это боль и муки терзаемой плоти. Кровь повсюду, сражающиеся скользят в ней, живые и мертвые равно окровавлены с ног до головы. И, не прерываясь ни на мгновение, сплетаясь с торжествующим, пирующим эхом, звучат восхваления темным богам. Паломники осознают, как щедро они благословлены. Вся их прежняя жизнь была лишь предисловием к тому, что происходит сейчас. Они существовали ради того, чтобы отдать свои жизни богам в этом священном месте. Они истекают кровью ради исполнения божественного замысла. Конечно, никто из верующих не увидит его осуществления своими глазами, но они умирают с уверенностью, что их жертва воплотится в гибель целых миров.

Ци Рекх завидовал бы им, если бы не знал, что его ждет нечто более величественное.

Свет в кратере по-прежнему сух, как змеиная чешуя, но воздух уже увлажнен, напоен теплом распоротых животов, вонью выпущенных кишок и запятнан сворачивающейся кровью. Ложа кормится, и из неизвестности за её стенами начинают доноситься звуки чего огромного, потрясающего, но пока что скрытого.

Жрец слышит стук сердца, барабанный бой и удары кулака по несуществующей ещё двери.

Прямые линии на передней стене удлиняются и соединяются между собой, обрисовывая вход, исчезнувший после того, как было завершено создание Ложи Эха, и её единственный обитатель вошел внутрь.

Обитатель.

Почему Ци Рекх знает это? Потому что, пока дверь возвращается в этот мир, а резня достигает своего апогея, видения и отголоски продолжают вопить на него, учить его, оценивать его. Колени жреца подгибаются. На какой-то миг, он уже не снаружи ложи. И он уже не Ци Рекх. Он внутри, окруженный всеми возможными телами, челюстями и аморфностями тьмы. Он внутри, жадно глядит на то, как возвращается дверь в стене. Он внутри, **тот, кто пройдет по пути**, в экстазе от того, что великое обещание, наконец, воплощается в жизнь.

Стук, доносящийся из ложи, вплетается в ткань того эха, что звучит только для Ци Рекха. Эхо имени столь великого, что оно может воплощаться лишь постепенно, один звук за другим. Могучая цезура (1) ударом молота обрывает хор мертвых звезд.

Ммммммммммммммм...

Аааааааааааааааааааа...

Д-Д-Д-Д...

Ци Рекх, отброшенный назад в свое тело, прижимает ладонь к виску. Повторяющаяся *Д*, краткий, внезапный звук, грозит расколоть его череп на куски. Имя из эха начинает обретать форму. Оно ещё не завершено, хотя жрец уже может попробовать его на язык – но не рискует, страшась разгневать стоящую за ним силу. Не стоит оскорблять её полуименем.

Справившись с болью в черепе, Ци Рекх вновь выпрямляется, полный решимости встретить обитателя Ложи Эха, стоя на ногах. Интересно, другие жрецы ощущают то же самое? Возможно, но он не может посмотреть на них, чтобы убедиться в этом. Взгляд Ци Рекха прикован к Ложе, к месту, где последние недостающие линии складываются в узор двери.

Путь открывается, и грядет тот, кто пройдет по нему.

Дверь проявилась полностью, и теперь грохот доносится не только из-за нее, но и из воздуха, и из головы самого Ци Рекха. Дрожь Ложи Эха и грохот ударов неизвестного существа о стены реальности смешиваются в единый ритм. И вот – о, славный миг! – дверь открывается со звуками скрежета камня о камень, треска энергоразряда и последнего вздоха из перерезанной глотки.

Две массивные каменные плиты на лицевой стене здания выворачиваются наружу, выпуская на волю отзвуки эха, долго томившиеся во тьме внутри. Теперь они свободны и их торжествующие голоса звучат громче, чем когда-либо. Сам по себе возникает спуск, камень разворачивается от двери до залитого кровью пола ровным полотном, как будто выдвигается металлическая десантная рампа.

С минуту не видно и не слышно ничего, кроме беспрерывного, безумного хора отзвуков эха. Затем, наконец, в проеме появляется фигура.

Сначала невозможно разобрать ничего, кроме общих очертаний силуэта – крупного, но неопределенного, смазанного тенями из глубины Ложи. Затем её обитатель начинает спускаться вниз, и, с каждым шагом, его облик виден все более ясно. Тот, кто идет навстречу давицам, способен внушать ужас – он вдвое выше их, шагает на двух ногах, одна из которых мощна, мускулиста и оканчивается копытом, другая же – суставчатая паучья лапа. Легко представить, что походка такого создания должна быть в лучшем случае неуклюжей, но нет – оно движется с грацией, оставляющей ощущение едва сдерживаемого желания броситься вперед с немислимой быстротой.

На теле создания мешком висит какое-то одеяние... Нет, понимает свою ошибку Ци Рекх, это не одежда, а плоть обитателя Ложи. Болезненно-белого цвета, она свисает с его оголенных костей, напоминая длинный свиток пергамента. Сходство усиливается, когда жрец замечает кровавые руны и татуировки, покрывающие изуродованную плоть. Некоторые из них подмигивают ему и что-то шепчут. Кости, которые видны Ци Рекху, будто закопчены огнем, но при этом блестят, обмотанные колючей проволокой. На руках плоти не осталось вовсе, и они сгибаются в нескольких местах, заканчиваясь длинными, элегантными ладонями, обещающими ласку заточенных ножей.

Его голова и лицо... Ци Рекх не новичок в ритуальных уродствах. Всю его сознательную жизнь они были частью того, чем он занимался в качестве жреца Ложи Гончего Пса. И, несмотря на это, у него пересыхает во рту, когда он смотрит в лицо создания. Никогда прежде Ци Рекх не видел, чтобы преображающее искусство обезображивания заходило настолько далеко. Несомненно, что когда-то это существо было человеком – в его лице осталось как раз достаточно частичек, глядя на которые, можно определить, в каких направлениях шли трансформации. Это ходячее чудо, это произведение божественных сил когда-то было изменено не сильнее, чем сам Ци Рекх сейчас.

Его лицо... Как же оно чудесно.

время их исполнения.

Гехашрен откидывается назад и смотрит в небо, словно собираясь огласить ему приговор. Его руки обнимают Давин. А затем он зовет к себе целый мир.

— Придите!

И Давин приходит к нему. Призыв пророка достигает самых дальних уголков планеты, и это не просто сильнейший отзвук эха, не просто голос в душах людей, но зов, который слышен в реальности. Никто не сможет убежать, и никто не сможет противостоять ему.

Люди идут на зов. Они отправляются в путь в тот же миг, как слышат его, и миллионы жителей Давина покидают свои дома, ибо пророк призвал их.

Гехашрен взбирается на вершину пика, неся с собой свет, хранившийся в ложе. Теперь он дрожит и увивается вокруг него, жидкой гнилью стекая по склонам горы, пока вся равнина бесконечной ночи не становится источником болезненного света. Пророк стоит в её сердце, видимый всем из дальней дали, и ждет.

Жрецы ждут вместе с ним, в молчании, ибо теперь все слова и языки принадлежат Гехашрену, и они не вправе говорить без его позволения. Нет также никаких деяний, кроме тех, что замыслил пророк, поэтому жрецы просто ждут, день за днем, питаясь телами и соками своих павших спутников.

Проходит семь дней, и лишь тогда Гехашрен зовет их к себе. Жрецы покидают кратер по спиральной дороге и занимают свои места на скальном карнизе у ног отца Давина. И вот, видят они, на исходе седьмого дня сотни тысяч паломников уже заполняют высохшую равнину, и число их растет с каждым часом. Видя, что уже много верующих собралось пред его взором, Гехашрен начинает говорить с ними и учить их мудростям варпа.

— Блаженны жестокие, и переносчики болезней, — провозглашает он. — Блаженны одержимые, и убийцы, и ниспровергатели порядка. Блаженны алчущие и жаждущие, блаженны ярящиеся и проклинающие, что стоят со мной пред богами, ибо погибель Галактики в руке их!

Люди у подножия горы в исступлении взывают к воплощенному великолепию на вершине, и их поклонение, смешиваясь с отзвуками эха, удесятеряет громогласную мощь Гехашрена. Давин дрожит в унисон его проповеди.

Но для Ци Рекха, единственного среди всех, благоговение смешано с досадой. Его эхо исчезло, оно не влилось в хор смыслов Гехашрена и больше не говорит со жрецом. Оставив лишь пустоту, зияющую дыру в его душе, эхо покинуло Ци Рекха в решающий момент, когда он уже готов был услышать имя во всей его полноте. Предназначение осталось неясным. Куда же исчезло эхо и почему оно оставило его?

Как начиналось имя?

Гул... гудение... Нет, даже это уже не вспомнить. Да и зачем, если есть проповедь Гехашрена? Этого достаточно, этого более чем достаточно. И все же...

— Не думайте, что я вернулся низвергнуть вселенную мертвых законов или исполнить старые пророчества, — продолжает Гехашрен. — Это предстоит сделать вам. Вы, мои дети, воплотите их в жизнь. Вы понесете факел, от которого возгорится Галактика. Я вернулся

лишь для того, чтобы возложить на вас великую обязанность. Я ходил по дорогам богов, и они одарили меня своими благословениями. Я путешествовал меж звезд и помечал своими знаками миры наших врагов. Теперь настал ваш черед пройти по моим стопам. Вы ждали и служили на этой планете, но теперь ваше ожидание и ваша служба здесь подошли к концу. Настало время покинуть колыбель Давина и принести божественную истину в иные миры. Настало время исхода!

Гехашрен делает паузу.

— Вы отправляетесь в путь. Как вы будете путешествовать? В овечьей шкуре.

Пророк соединяет свои ладони, и реальность между ними сжимается в комок. Тогда он запускает свои острые когти внутрь сжатого пространства, сжимает костяные кулаки и резко разводит в стороны гигантские руки, напоминающие освежеванных змей. В широко раскрытых от изумления глазах Ци Рекха отражается разрыв в реальности.

Пламя и кровь выплескиваются из прорехи в небе, и становится видна скрытая за ней бесконечная и бескрайняя ночь космической бездны. Разрыв расширяется, достигая нижнего слоя облаков, небо сжимается вокруг, словно пытаясь прикрыть рану. Реальность кричит, впуская флот, выходящий из варпа.

На низкой орбите над Давином висят корабли всех видов и образцов. Ци Рекх видит их через созданную Гехашреном прореху так же отчетливо, как если бы они опустились к самой вершине горы, или как если бы он вознесся к верхней границе атмосферы.

Торговые, военные, колониальные корабли. Ци Рекх различает их типы, но только на самом примитивном уровне. Понятно одно – все они очень, очень древние, потрепанные, израненные, со следами челюстей хищников варпа на своих корпусах. Чем дальше жрец смотрит в разрыв, тем ближе перспектива смещается к флоту, так что теперь он может различать даже незначительные детали кораблей. Ци Рекх сосредотачивается на одном из грузовиков, восхищенный его невероятными размерами, и гадает, сколько тысяч паломников тот сможет вместить.

Но ведь никто из давинцев никогда не ступал на борт космического корабля. Он не подвергает сомнению мудрость Гехашрена, но все же не в силах понять, как, по мнению пророка, его народ должен взойти на эти транспорты? И потом, как они будут управлять ими?

Тем временем через разрыв уже видны внутренности грузовика. Ци Рекх сейчас на мостике, окруженный контрольными панелями, он стоит возле командного трона. Рядом лежит свитый в бухту потрепанный кабель, и, ведомый верой, жрец протягивает руку и касается его, ощущая в ладони прохладу металлической оплетки.

Пораженный, Ци Рекх хватается воздух полной грудью. Он снова внизу, на склоне горы, ошеломленно моргает, не помня себя от восхищения и ужаса. В его кулаке зажат обрывок кабеля с мостика космического грузовика. Он смотрит на него, затем поднимает взгляд на Гехашрена и видит, что несколько глаз пророка обращены к нему. Рот Гехашрена не способен передавать эмоции, и все же клюв немного поднимается над нижней челюстью, изображая легкую улыбку.

— Видишь? — спрашивает пророк тихим отзвуком, слышимым только Ци Рекху, и жрец кивает в ответ.

Он всегда знал о способности Акшуб путешествовать по миру, не встречая преград, и в одно мгновение оказываться в любой точке Давина. Насколько же могущественнее должны быть умения Гехашрена, прошедшего столько дорог в царстве богов? Тысячи лет он провел в стенах Ложи Эха, достаточно долго, чтобы осыпался прахом развалины старого мира, достаточно долго, чтобы стать прекрасным воплощением ужаса, возвышающимся сейчас на вершине горы. Осознание величия того, что теперь способен достичь Гехашрен, едва не лишает Ци Рекха сознания. Разумеется, для пророка не составит труда доставить свой народ на корабли. Кто поведет их к новой цели, сам Гехашрен или какая-то иная сила? Эта истина пока сокрыта от жреца.

Ему открыта другая истина: тот, кто пройдет по пути, провозгласит Исход.

Люди внизу кричат, возносят молитвы и рыдают в истерике веры, восхваляя Гехашрена и богов. Грандиозное движение внизу указывает на то, что толпа подбирается к ждущему её разрыву в реальности, который касается земли у подножия Горы Эха, истекая кровью, тьмой и измученным светом. Однако, Гехашрен поднимает руку, и одно это движение мгновенно останавливает людской прилив. Тысячи тысяч верующих смотрят на него, слушают и повинуются.

Пророк оборачивается к жрецам.

— **Все ложи суть одна**, — объявляет он, и Ци Рекх видит истину в словах пророка. Толпы внизу уже едины, собранные вместе путеводным огнем грядущей миссии и громогласными речами обитателя Ложи Эха.

— **Но**, — продолжает Гехашрен, — **моим последователям нужны будут пастыри, ибо моя дорога лежит в стороне от вашей. Поэтому я должен наделить каждого из вас властью над частью собравшихся внизу паломников.**

Змей и Дикий Кот, Волк и Медведь, Дракон и Крыса бросают друг на друга взгляды, лишённые прежней ненависти. Соперничество умерло в тот же час, когда их последователи принесли себя в жертву у подножия Ложи Эха. Все прежние войны и схизмы забыты, стерты словами величайшего среди них. Теперь повелители лож и последние из их племен в равной мере орудия в руках Разрушительных Сил. Будущее больше не принадлежит им, обещание бесконечного разложения в награду за исполнение повелений Гехашрена - все, что нужно жрецам.

Но Ци Рекху необходимо нечто большее. Он прячет гнев и безмолвно повинуетя приказам вознесшегося создания, озарившего своим появлением жизни давинцев, но не желает упускать свое предназначение. Свое эхо.

Где оно может быть?

Только в одном месте.

Все остальные жрецы спускаются с горы и начинают заводить паству в разрыв, на корабельные палубы. Толпы инстинктивно следуют приказам своих повелителей, ощущая грандиозную тяжесть предназначения, а Гехашрен с вершины продолжает возглашать волю богов, громогласно направляя заблудших.

Ци Рекх же решается преступить все запреты, ещё раз пройти сквозь проем в скале, в одиночестве подняться по спиральной дороге к кратеру, встать лицом к лицу с Ложей Эха и взойти к двери. Там он найдет свое предназначение, и эхо вернется к нему. Ци Рекх исполнит то, что было доверено ему, и никому другому. Судьба провела его так далеко по этому пути, что жрец не верит в возможность

неудачи. Только не после того, как он был так близок к откровению.

Склон, по которому снизошел к ним Гехашрен, вовсе не из камня, но из кости, и мозг в этих костях из спрессованных отзвуков эха. Шепотки скрипят под ногами Ци Рекха, и первый раз в жизни он ощущает страх, перед которым бессильна вера. Он страшится наказания, но упрямо идет дальше, поднимается к входу в Ложу, и, не останавливаясь, ступает внутрь.

Эхо ждет его там. Оно тяжело обрушивается на жреца, на все его чувства, чтобы, наконец, разом провозгласить полное имя его предназначения.

Гудение. Хор. Стук. Вой. И завершающий, сдавливающий змеиными кольцами звук.

Лллллллллллллллллллллллллллллллллл...

Имя вонзает в Ци Рекха свои когти.

МАДАИЛ.

МАДАИЛ.

МАДАИЛ.

Оно жаждет выпотрошить его. Это откровение когтей, знание клыков, истина боли. Чудо предназначения в агонии судьбы. Он станет проходом. Он будет путем.

Зрение возвращается к Ци Рекху, и он видит, что лежит на камнях у выхода из ложи, а над ним возвышается Гехашрен, улыбаясь своим клювом и внимательно глядя на него всеми глазами. Пророк говорит с ним, но не раскатами грома, а тихим отраженным эхом, ибо речь идет о знании, известном только им двоим.

— ***Ты понимаешь?***

Ци Рекх кивает в ответ. Полная картина сияющего предназначения все ещё разворачивается в его разуме, но на ней уже видно великое разрушение, что он принесет, служа произнесенному имени.

МАДАИЛ.

— Я стану проходом, — бормочет жрец, пока кровь идет у него из горла.

— ***Последний дар на прощание,*** — шепчет Гехашрен и произносит два имени. В них звучит смерть, шипящая и гремящая костями. Они ждут в конце пути.

Пандоракс.

Пифос.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Проповедник_исхода / Sermon_of_Exodus_\(рассказ\)&oldid=20557](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Проповедник_исхода / Sermon_of_Exodus_(рассказ)&oldid=20557)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:15.